

— Я проиграла. — Шэнь Чучу закусил губу, в её глазах заблестели слёзы.

Она опустила голову, признавая поражение, под шёпот и косые взгляды соучеников вокруг арены.

За те дни, что она прожила после перерождения, опираясь на память о прошлых жизнях как на свою главную опору, у неё всё шло как по маслу. Она и подумать не могла, что на этом состязании её ждет столь сокрушительное поражение.

— Вот и отлично. — Жань Цю убрала клинок, отвесила судье поклон, а в её взгляде читалась чистая радость.

— Шэнь Чучу против Жань Цю, побеждает Жань Цю! — громко объявил судья.

Он вложил духовную силу в свой голос, и вместе с порывом ветра слова разнеслись над толпой.

На арене и вокруг неё тут же поднялся шум.

Шэнь Чучу зажмурилась, изо всех сил пытаясь не обращать внимания на пересуды зрителей, но голоса соучеников то и дело долетали до её ушей.

— А младшая сестра Шэнь оказалась пустышкой. И после этого она сама вызвала старшую сестру Жань на бой? Вот уж поистине непомерная гордыня.

— Проиграла в пух и прах, ха-ха-ха.

— А я-то думал, Шэнь — небывало одарённый гений, а оказывается, пшик.

— Сегодня посмотрел — сразу видно, её уровень культивации держится лишь на пилюлях да редких сокровищах.

— О? А откуда соученик знает?

— Все говорят, что она за пару месяцев достигла Закладывания Основания, но посмотри, как она сражалась с Жань: опора слабая, владение мечом неуверенное. Не прошло и нескольких обменов ударами, как её меч выбили из рук. Разве тут не всё очевидно?

— Вот оно что. Похоже, в культивации полагаться нужно только на себя, а всякие еретические обходные пути до добра не доведут.

— Ха-ха-ха, и то верно.

Бой закончился, и Жань Цю не собиралась опускаться до добивания лежащего противника. Она просто взмыла ввысь и покинула арену, больше не удостоивая Шэнь Чучу ни единым взглядом.

После такого урока Шэнь Чучу, надо полагать, больше не станет разыгрывать из себя благородную мученицу.

Презрительное отношение Жань Цю больно задело Шэнь Чучу. Она впилась пальцами в край юбки и упрямо стояла на арене, качаясь, словно слабая ива на ветру. Прикусив губу, она подобрала сломанный меч, а её личико было бледнее полотна.

— Чучу, пойдём, — Хань Цзиньчжоу не вынес её вида и увлёк за собой, спускаясь с арены. — Не печалься. Это Жань Цю зашла слишком далеко: пользуясь тем, что твоя ступень выше, она просто издевалась над тобой.

Услышав слова утешения, Шэнь Чучу больше не смогла сдерживать обиду.

Бросив сломанный меч, она уткнулась лицом в грудь Хань Цзиньчжоу. Её глаза покраснели, слёзы брызнули из глаз, и она тихонько зарыдала.

Хань Цзиньчжоу прижал её к себе, мягко успокаивая.

Один из учеников в синих даосских одеждах с красивыми тонкими чертами лица протянул руку и стер слёзы с уголка глаз Шэнь Чучу. Лицо его помрачнело.

Это был третий ученик Бай Чи, Янь Цун.

Видя, как Шэнь Чучу безутешно плачет на груди старшего брата Хань Цзиньчжоу, он чувствовал, как каждый её всхлип отзывается болью в его собственном сердце.

Янь Цун сжал кулаки и хранил молчание.

— Я отомщу за тебя. — Янь Цун ещё раз бросил взгляд на Шэнь Чучу, затем с мрачным лицом развернулся и зашагал прочь.

В глазах Хань Цзиньчжоу мелькнул тёмный ответ, но останавливать его он не стал.

Заметив, что Янь Цун направляется именно туда, куда ушла Жань Цю, Шэнь Чучу сразу догадалась, что значат его слова о мести.

На мгновение у неё мелькнула мысль окликнуть Янь Цуна, но, опомнившись, она подавила это желание. Снова закрыв глаза, она уткнулась в плечо Хань Цзиньчжоу и тихо заплакала.

Шэнь Чучу думала, что старший брат Янь наверняка... просто проучит Жань Цю, ну или отчитает её пару раз. Наверняка... наверняка он не станет делать ничего страшного.

Её охватило смутное беспокойство.

Хотя старший брат Янь владел искусством создания гу и ядов, а характером обладал мрачным и упрямым, вряд ли он решится на убийство соученика.

— Всё хорошо, всё хорошо. — Хань Цзиньчжоу обнимал любимую девушку, и от её слёз его сердце буквально таяло, так что ему оставалось лишь нежно её баюкать. — У Янь Цуна есть голова на плечах, не переживай.

Шэнь Чучу кивнула.

В её сердце шевельнулось трогательное чувство: родившись заново, она и не думала, что старшие братья будут так добры к ней.

Спрятав в руке серебряные иглы, Янь Цун широким шагом двинулся по следам удалившейся Жань Цю.

Толпа вокруг арены бурлила. Он озирался по сторонам, с трудом отыскивая путь, и лишь спустя долгое время протиснулся сквозь людской поток.

Обойдя полкруга и никого не найдя, Янь Цун невольно задумался: куда же могла деться Жань Цю?

Жань Цю была мастером клинка и обучалась на Пике Затмевающего Солнца у Ин Минцзы. Она всегда держалась особняком и близких друзей не имела.

Если её здесь больше нет, значит, скорее всего, она вернулась на Пик Затмевающего Солнца.

Проклятье.

Сердце Янь Цуна упало.

Ин Минцзы вовсе не был добряком и отличался крайним пристрастием к своим ученикам. Если Жань Цю вернулась на Пик Затмевающего Солнца, то теперь она находилась под надежной защитой старейшины.

Ладно.

Придется поискать другой случай.

Разочарованный Янь Цун убрал серебряные иглы и повернулся, собираясь вернуться и всё рассказать младшей сестре Шэнь.

Но стоило ему развернуться, как он заметил знакомую фигуру.

— Янь Цун.

Бай Чи тихо окликнула его по имени.

— Кого ты ищешь?

Янь Цун замер на месте, тупо глядя на Бай Чи. Он... он никак не ожидал встретить здесь наставницу.

— Учитель... — сорвалось у него с губ. Поняв, что потерял самообладание, он смущенно спросил: — Почему вы вышли из уединения?

Лишь сказав это, Янь Цун сообразил, как неуместно прозвучал его вопрос. Он приоткрыл рот, собираясь объяснить, но, не будучи мастером красноречия, махнул рукой и умолк.

— Кого ты ищешь? — повторила вопрос Бай Чи.

Она прекрасно всё видела: и мрачное выражение лица Янь Цуна, когда он развернулся, и то, куда он направлялся. Теперь всё встало на свои места.

— Зачем ты её искал? — на губах Бай Чи играла улыбка, но она продолжала допытываться: — Хотел переломить ей руку, которой она держит клинок, или отравить её лицо?

— Или... лишить её жизни?

Нельзя было винить Бай Чи за такие вопросы. Строго говоря, Янь Цун был учеником, к которому она питала наибольшую слабость.

Она подобрала Янь Цуна много лет назад, в один из зимних дней. Тогда мальчику было всего десять лет, и из-за особой конституции тела злые культиваторы превратили его в марионетку гу, заставив дни напролёт делить кров с ядовитыми насекомыми. Бай Чи тогда уничтожила логово злых культиваторов и, опасаясь, что кто-нибудь снова воспользуется мальчиком в корыстных целях, забрала его с собой в Секту Гуйюань.

Поначалу из-за своего угрюмого, жестокого характера и жажды мести он сталкивался с холодом и отчуждением соучеников.

Именно Бай Чи потребовалось больше десятка лет, чтобы вылепить из него нормального человека.

— Учитель, выслушайте меня, — растерялся Янь Цун, не ожидая, что его замыслы будут раскрыты. Он торопливо забормотал: — Это Жань Цю на арене обидела младшую сестру Шэнь Чучу, я лишь собирался прибегнуть к маленькой хитрости, чтобы проучить её...

Шэнь Чучу была младшей сестрой, но о Жань Цю он говорил без всякого уважения по имени, хотя обе они были младшими ученицами из других ветвей, а разница в отношении оказалась огромной.

— Я всё время была здесь, — вздохнула Бай Чи. — Юнь Си, скажи мне, кто был прав, а кто виноват?

Только теперь Янь Цун заметил стоявшего по правую руку от наставницы старшего брата Юнь Си. Решив, что это он привёл сюда учительницу, Янь Цун почувствовал глухое раздражение.

Юнь Си опустил голову, избегая смотреть на него, и тихо ответил: — Правила арены таковы: всё, что происходит на арене, там и остается.

Не говоря уже о том, что Шэнь Чучу брала на себя смелость указывать наставнице, используя статус ученицы, и не вспоминая о том, как она заставила Жань Цю дать клятву, а сама попыталась уйти от ответственности, — достаточно было взглянуть на сами правила. На арене Секты Гуйюань всегда было заведено: что бы ни случилось, стоило сойти с помоста, как дело считалось закрытым.

Верно.

Такое правило действительно существовало, просто он предпочел закрыть на него глаза.

Лицо Янь Цуна побелело.

Глядя на его вид, Бай Чи поняла: он прекрасно знал, кто был неправ, но просто сделал вид, будто ничего не знает.

В этот момент Бай Чи вдруг осознала, что на самом деле никогда по-настоящему не знала своих троих учеников.

Янь Цун привык подлизываться к ней, Хань Цзиньчжоу казался безупречным благородным

господином, а Юнь Си — робким и застенчивым.

Неудивительно, что в будущем они поднимут руку на учительницу. Оказывается, всё с самого начала было прогнившим до мозга костей.

Бай Чи хлопнула в ладоши и горько усмехнулась: — Прекрасно, просто великолепно.

Увидев её реакцию, Янь Цун почувствовал, как сердце уходит в пятки, но природная гордость не позволяла ему склонить голову и признать вину.

— Я возвращаюсь на Пик Малого Бамбука. Вы двое — позовите с собой Хань Цзиньчжоу, мне нужно кое о чём поговорить.

Бросив эти слова, Бай Чи взмыла в воздух, встав на меч, и улетела.

Пик Малого Бамбука.

— Кхе-кхе. — Ветер усилился, и Бай Чи зашлась в тяжелом кашле, от которого заныли все внутренние органы.

Превозмогая боль, она едва успела дойти до комнаты и сменить одежду на теплое зимнее платье.

Во время последнего уединения она получила тяжелейшие внутренние раны.

Отыскав в потайном отделении пилюли, Бай Чи запила их водой и кое-как уняла приступ кашля.

Она опустилась на кушетку у окна и засмотрелась на шахматную доску, стоявшую на низком столике, погрузившись в тяжелые мысли.

В её памяти снова всплыли строки из той странной книги.

В книге говорилось, что за то, что она станет притеснять и изводить Шэнь Чучу, её собственные ученики, не выдержав, подменят ей лекарство и отравят до смерти. В книге также утверждалось, что Чу Хэн — её возлюбленный, который перед смертью её отца стоял на коленях и клялся любить её всей душой и хранить верность до конца дней, — из-за Шэнь Чучу заявит, что чувствует перед ней лишь долг.

Как нелепо: события из книги один в один повторяли её прошлую жизнь.

Поединок Шэнь Чучу и Жань Цю в книге тоже заканчивался победой Жань Цю, после чего Янь Цун ломал ей руку.

Жань Цю, догадавшись, чьих это рук дело, после травмы становилась еще более озлобленной и ожесточенной. Она с удвоенной силой продолжала изводить Шэнь Чучу, за что в конце концов Янь Цун травил её ядом, обезображивая лицо и лишая жизни.

В прошлой жизни всё так и было.

Любимые ученики, которых она взлелеяла, ради безопасности Шэнь Чучу творили самые грязные дела.

От одной этой мысли ее чуть не выворачивало наизнанку: ученики, в воспитание которых она вложила столько сил, строили планы против её жизни, а возлюбленный детства заглядывался на другую.

Вся её жизнь оказалась лишь ступенькой для Шэнь Чучу.

Бай Чи горько усмехнулась и села перед туалетным столиком.

Она принялась наносить макияж перед медным зеркалом: легко подкрасила брови, тронула губы помадой и переделалась в парадные одежды, которые носила в день церемонии ученичества.

На душе у Бай Чи было удивительно спокойно.

В конце концов, после сегодняшнего дня каждый пойдет своей дорогой, и они больше не будут связаны ничем.

Когда трое братьев во главе с Хань Цзиньчжоу прибыли на место, Бай Чи уже сидела в главном зале.

Все трое сложили руки в приветственном поклоне, но, подняв головы, замерли: наставница была в парадном облачении, а её лицо украшал изысканный макияж.

— Это... — Улыбка на лице Хань Цзиньчжоу слегка застыла, а в груди шевельнулось дурное предчувствие. — К чему это наставница вырядилась?

По дороге сюда он не стал расспрашивать Янь Цуна и Юнь Си о цели визита, полагая, что учительница просто сердится, потому что они не встретили её из уединения. Он думал лишь о том, как извиниться и задобрить её.

Но он никак не ожидал, что всё обернется столь торжественно.

— Все в сборе. — Бай Чи окинула взглядом стоявшую внизу троицу, медленно переводя глаза с одного на другого.

— Тогда начнем.

— Слушаем. — Маленький слуга возле дверей молча шагнул вперед, держа на подносе несколько предметов, и подошел к ученикам. — Старшие братья, прошу.

Янь Цун уставился на вещицы в деревянном подносе и оцепенел: это... это были те самые парные предметы, которыми они с наставницей обменялись в день, когда стали её учениками.

Учительница подарила им Таблички Жизни, а они преподнесли ей свои самые заветные вещи в знак преданности, связав тем самым свои судьбы воедино.

— ...Что это значит, учитель? — Янь Цун резко поднял голову, его глаза покраснели, а голос слегка дрожал.

— Разве вы еще не поняли? — спокойно улыбнулась Бай Чи. — Мы разрываем ученические узы.

Юнь Си не смел верить своим глазам, но четыре мальчика-слуги в зале, одежды, которые наставница надевала лишь в день посвящения, и её собственные слова — всё это не оставляло места сомнениям.

<http://bllate.org/book/21962/2281869>